

Атакулова Мерим Абдыкеримовна, д.филол.н., профессор,
Ошский технологический университет,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, научный сотрудник,
Ошский государственный университет,
Жанибекова Бактыгул Ашимовна, доцент,
Ошский технологический университет
E-mail: atakulova.m@bk.ru, bjanibekova65@mail.ru

О СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

В статье определяются сущность и статус категории принадлежности, описываются основные ее составляющие и содержание. В ней определяется корреляция категории принадлежности с категориями личных местоимений, предикативности и личности – безличности.

Ключевые слова: Лично-посессивный, лично-предикативный, эгоцентрическое поле, синхрония, диахрония, парадигма, аналитический, синтетический.

Атакулова Мерим Абдыкеримовна, филол.и.д., профессор,
Ош технологиялык университети,
Абдыкадырова Сюита Рысбаевна, илимий кызматкер,
Ош мамлекеттик университети,
Жанибекова Бактыгул Ашимовна, доцент,
Ош технологиялык университети

ТААНДЫК КАТЕГОРИЯСЫНЫН СТАТУСУ ЖӨНҮНДӨ

Макалада таандык категориясынын маңызы жана статусу аныкталып, анын негизги компоненттери жана мазмуну баяндалат. Анда таандык категориясынын жеке ат атооч, предикативдик жана жак-жаксыздык категориялары менен өз ара байланышы аныкталат.

Негизги сөздөр: жекече-ээлик, персоналдык-предикативдик, эгоцентристтик талаа, синхрония, диахрония, парадигма, аналитикалык, синтетикалык.

Atakulova Merim Abdykerimovna, doctor of philological
sciences, professor, Osh Technological University,
Abdykadyrova Suite Rysbaevna, Osh State University,
Janibekova Baktygul Ashimovna, docent,
Osh Technological University

ABOUT THE STATUS OF THE CATEGORY OF OWNERSHIP

The article defines the essence and status of the category of belonging, describes its main components and content. It determines the correlation of the category of belonging with the categories of personal pronouns, productivity and personality – impersonality

Key words: personal-possessive, personal-predicative, egocentric field, synchrony, diachronic, paradigm, analytical, synthetic.

В языке спряжение представлено по-разному. В славянских языках, например, спряжению подвергаются только глаголы. Термин «спряжение» применительно к этим языкам используется для обозначения изменения глагола по формам лица и числа (Такое спряжение отсутствует в болгарском языке).

В целом ряде языков в понятие «спряжение» вкладывается широкий смысл. Им обозначается система форм различных частей речи, дифференцированно выражающих значения лица и числа. В таких языках различаются лично-посессивное и лично-предикативное спряжения. К ним относятся большинство урало-алтайских языков: тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, угро-финские и другие.

Есть языки, в которых разграничиваются личные, классные и классно-личные спряжения. Классное и классно-личное спряжение свойственно ряду кавказских языков – дагестанским, нахским, абхазо-адыгским [9].

Лично-предикативное спряжение бывает субъектно-личным (монопersonальным) и субъектно-объектно-личным (полиперсональным).

Субъектно-личное спряжение очень распространено. Субъектно-объектно-личное спряжение встречается в полисинтетических языках, где глагольная словоформа включает в свою структуру лично-местоименные аффиксы в функции субъекта и объекта. Полиперсональное спряжение имеет место в картвельских (грузинском, занском, сванском), в уральских (мокшанском, эрзянском, хантыйском, ненецком, нганасанском и др.), чукотско-камчатских, эскимосо-алеутских и др. языках.

Ср., например, в эскимосском языке:

- *мкын* «я тебя веду, мы тебя ведем»
- *ка* «я его веду»
- *хлут* «мы его ведем, мы их (дв.) ведем»
- аглатака* - *мтык* «я вас (дв.) веду, мы вас (дв.) ведем»
- *хка* «я их (дв.) веду»
- *мси* «я вас (мн.) веду, мы вас (мн.) ведем»
- *нка* «я их веду»
- *пут* «мы их (мн.) ведем» и т.д. [9].

Лично-посессивное словоизменение характерно функционированию субстантивных слов в языке. Оно имеет разную по отношению к определяемому позицию.

Лично-посессивные аффиксы чаще всего выступают в качестве суффиксов, реже – в качестве префиксов.

Обратимся к фактам языков, в которых имеются лично-классные префиксы. Лично-классные приставки широко представлены в абазинском языке. Например, имена существительные *тишы* «лошадь» и *цла* «дерево» имеют лично-классные препозитивные показатели: *с-*, *сы-* «мой, моя, мое, мои», *у-*, *уы-* «твой, твоя, твое, твои» (обладатель мужского пола), *-б*, *бы-* в том же значении (обладатель жен. пола), *й-*, *йы-* «его» (обладатель муж. пола), *л-*, *лы-* «её» (обладатель жен. пола), *а-* «его» (определяемое относится к классу вещей). Например, *сара стишы* «моя лошадь», *уара утишы* «твоя лошадь» (обладатель - мужчина), *бара бтишы* «твоя лошадь» (обладатель - женщина) и т. д. Во мн. числе классные показатели отсутствуют: *хлара хлтишы* «наша лошадь», *швара швтишы* «ваша лошадь», *дара ртишы* «их лошадь» [9]. Если в тюркских языках местоименные лексемы и аффиксы обрамляют определяемое имя: *ме - нин ат - ым*, *биз - дин аты - быз*, то в абазинском местоименные слова и префиксы предшествуют определяемому: *с-ара с - тишы* «моя лошадь». *xl – ара х – тишы* «наша лошадь». Формант - *ара* свойствен всем личным местоимениям этого языка, и, вероятно, имеет вторичное происхождение.

И в кетском языке «категория притяжательности образуется при помощи притяжательных префиксов»: *бан*, *абан* «мой отец», *кан*, *укан* «твой отец», *даан*, *буран* «его отец» (обладатель муж. пола), *дан*, *бурдан* «её мать» (обладатель жен. пола), *наан*,

ьтнэап «наш отец», нэап ькнган «ваш отец», нэап буннэап «их мать». Как видим, словоформа *нэап* используется в значении дифференцируемых показателей 1, 2 и 3л. мн.ч. и нейтрализует их [9].

Суффиксальная позиция лично-посессивных аффиксов является характерной особенностью алтайских языков. Лично-посессивные формы имени тюркских языков обычно описываются под заголовком «Категория принадлежности».

Предметом данного исследования является категория принадлежности тюркских языках.

Почему мы выбрали эту категорию для специального изучения?

Причин-несколько.

Во-первых, в языкознании существует терминологическая неопределенность относительно явлений, обычно подводимых под категорию принадлежности.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре, например, отсутствует статья, содержащая информацию о категории принадлежности или притяжательности, и делается отсылка на статью «Посессивность» [7]. Одни и те же факты языка нередко получают разные названия: их называют то категорией принадлежности, то - формами принадлежности или притяжательности, то-лично-посессивными формами и т.д. Есть потребность в обсуждении проблематики наименования самой категории.

Во-вторых, явление посессивности понимается исследователями по-разному. Термин имеет латинское происхождение: *possessivus* «обозначающий принадлежность или притяжательный». Посессивность обычно определяется как универсальная понятийная категория. Она включает в себя морфологические, словообразовательные, лексические и синтаксические средства. Необходимо определить статус и место посессивности в системе языка [7].

В-третьих, категория принадлежности обычно относится к морфологии частей речи и рассматривается под заголовком «Имя существительное».

Но для характеристики этой категории приводятся не только морфемы и словоформы, но и отдельные словосочетания. Поэтому объект категории принадлежности однозначно не ограничивается. Являясь морфологической категорией, она охватывает и включает в свое содержание часть синтаксического материала.

В-четвертых, еще не определена корреляция категории принадлежности с категориями личных местоимений, предикативности и личности-безличности.

Самое важное, что послужило основанием для выбора темы для исследования - это **значимость лично - посессивной парадигмы в системе эгоцентрического поля языка.**

Все это требовало углубленного изучения категории принадлежности в связи с другими грамматическими категориями.

В работе определяются сущность и статус категории принадлежности, описываются основные ее составляющие и содержание.

Таким образом, мы пытаемся произвести краткий, но всесторонний анализ форм тюркского лично-посессивного словоизменения с точки зрения эгоцентрического понимания природы местоименных слов и морфем в языке.

Категория принадлежности в тюркских языках получила достаточно подробное освещение. Ей посвящены специальные исследования тюркологов (Н. К. Дмитриев, Э. В. Севортян, С. С. Майзель, С. Кудайбергенов, К. Назаров, Т. Тачмуратов, С. Н. Иванов, Г. А. Абуханов, С. Аслиддинов и др.) или специальные разделы монографических трудов (И. П. Дыренков, Н. А. Баскаков. В. В. Решетов, М. Ш. Шералиев, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, Э. Р. Тенишев, К. Дыйканов, А. М, Щербак, З. Г. Ураксин и др.).

Под категорию принадлежности подводятся субстантивные словоформы, которые содержат в себе морфемы, выражающие одновременно и предмет обладания, и лицо обладателя.

Предмет обладания заключен в корневой морфеме, в основе слова, а лицо обладателя – в лично-посессивных морфемах.

Категория принадлежности является одной из специфических особенностей тюркских языков.

Наблюдение показывает, что русскоязычное мышление с трудом воспринимает киргизские конструкции с формами принадлежности.

Мы помним носителя русского языка, поинтересовавшегося назначением звука у словоформе институту на двуязычной вывеске Ош мамлекеттик педагогикалык институту – Ошский государственный педагогический институт. Он, очевидно, принял эту словоформу как очередное искажение русского слова (но официальное). Очень часто русскоязычные сталкиваются с трудностями при понимании и продуцировании текста с лично - посессивными формами киргизского языка.

Их языковому мышлению чуждо обязательное употребление морфем со значением личной принадлежности в составе таких субстантивных лексем, как термины родства, названия частей тела и т.д .

Н. К. Дмитриев писал: «Такие выражения», как «*как и мой карандаш*», «*твоя тетрадь*», «*его окно*» и т.д. по-русски (как и в других европейских языках) выражаются словосочетанием из двух элементов: *мой + карандаш*, *твоя + тетрадь*, *его + окно*. Эти элементы объединены между собой исключительно в плане синтаксиса – точнее говоря, путем согласования, которое связывает определяемое с его определением. Совершенно естественно, что каждое такое словосочетание состоит из двух слов. В тюркских языках мы имеем совершенно иную картину. Здесь подобного рода словосочетания русского и других языков передаются не синтаксически, а морфологически. Следовательно, здесь мы имеем не два слова, а одно. При этом сама идея принадлежности предмета одному из трех лиц, выраженная русскими притяжательными местоимениями, в тюркских языках выражается специфическими аффиксами. Эти аффиксы и называются аффиксами принадлежности. Некоторые грамматики называют их аффиксами лица или личными аффиксами» [3]. (Далее ученый отмечает, что такая терминология может привести к недоразумению, так как личными аффиксами являются так же аффиксы сказуемости (иначе: лично-предикативные аффиксы). По его мнению, между ними существует принципиальное различие. «Аффиксы сказуемости (лично-предикативные) выражают лицо подлежащего, т. е. фактического субъекта, а аффиксы принадлежности (лично-посессивные) - лицо обладателя, т.е. юридического субъекта. Поэтому пользоваться термином «личные аффиксы» можно только при наличии подобной оговорки. Существует и третий термин: «притяжательные аффиксы». Он восходит к русской грамматической традиции («притяжение», «притяжательный»), но этот термин звучит теперь очень абстрактно и не говорит ни о каком конкретном содержании. Можно встретить еще такое выражение: «местоименные» или «местоименно-притяжательные аффиксы». Этот термин так же носит слишком общий характер, поскольку аффиксы сказуемости тоже местоименного происхождения, но представляют собой иной этап развития личных местоимений, чем аффиксы принадлежности» [3]. Из приведенных соображений Н. К. Дмитриева вытекают некоторые выводы, важные для дальнейшего изложения материала.

1. Категория принадлежности является одним из специфических явлений грамматики тюркских языков относительно индоевропейских. В русском и других языках принадлежность выражается аналитически в составе словосочетания, состоящего из определяемого существительного и определения - притяжательного местоимения.

2. Морфемы принадлежности называются по-разному: личными аффиксами, аффиксами принадлежности, лично-посессивными аффиксами, притяжательными аффиксами, местоименными аффиксами, местоименно-притяжательными аффиксами. Некоторые из этих наименований обладают широким смыслом и четко не обозначают соответствующие морфемы. Наибольшей ограничивающей и объясняющей возможностью обладают термины «аффиксы принадлежности» и лично-посессивные аффиксы (авторское написание – лично-посессивный). Поэтому мы будем использовать в дальнейшем изложении именно эти термины.

3. Личными в тюркских языках являются аффиксы принадлежности и предикативности. Категория предикативности тяготеет к центру высказывания и является ядром речевой коммуникации, характеризуя соотносительность и единство сказуемого с подлежащим. Лично-посессивные формы относятся к периферии высказывания.

4. Как лично-посессивные, так и лично-предикативные аффиксы имеют местоименное происхождение, что проявляется в их материальной (звуковой) и семантической соотносительности с личными местоимениями. Ясно, что личные аффиксы эгоцентричны и выражают позицию и отношение производителя речи к «не-Я».

5. Термин «принадлежность» условный. Он «передает не только понятие собственности в юридическом смысле, но и целый ряд логических отношений, основанных на органической связи одного предмета с другим. Здесь возможны разные линии связи: причина, цель и др.» [3].

Некоторые тюркологи для описания лично-посессивных аффиксов, их семантики и происхождения не используют термин «категория принадлежности», ограничиваясь только термином «формы принадлежности» [8].

Основа и корневая морфема языка обладают различной словоизменительной способностью. Разные группы основ характеризуются различной потенцией присоединять к себе лично-посессивные аффиксы, являющиеся очень продуктивными. Их продуктивность послужила основанием для утверждения о том, что категория принадлежности для тюркских языков «является обязательной и всеобъемлющей, так как нет ни одного имени, которое не уточнялось бы с точки зрения его соотносительности с лицом» [2]. Параллельно с этим существует и иное мнение, согласно которому лично-посессивные формы не являются универсальной системообразующей категорией субстантивных слов. Потому что в языке есть имена существительные, которые, формообразуя, не могут иметь в своем составе такие суффиксы. Например, как отмечается в одной из новейших работ, в киргизском языке «есть имена, которые не изменяются по лично- притяжательному спряжению (*нейтрино*-«стабильная незаряженная элементарная частица космического происхождения с нулевой массой», *аалам*-«мир, вселенная», *мен* – «я» и др.), существуют также имена, которые имеют неполную парадигму (*кабык*- «кора, скорлупа», *өзөк*— «сердцевина, стержень», кит-«крупное морское млекопитающее, похожее на рыбу внешним видом» и др.), принимая аффиксы только 3-го лица» [6]. Сама логика языка предъясняет подобные ограничения на сочетаемость основы с лично-посессивными аффиксами.

Действительно, в языке многие абстрактные явления и предметы действительности не подчиняются воле производителя речи и не могут быть вовлечены в эгоцентрическое поле речевого общения. Они выступают в качестве объекта называния, обозначения и рассуждения говорящего и не могут принадлежать ни ему, ни собеседнику, ни 3 лицу. Такие явления и предметы стоят за пределами дихатомии «Я - не-я» и тяготеют к периферии «не-я», отдаленной от «я». Киргизский речевой стереотип и логика языка не дают основания для лично-посессивного спряжения самих лично-местоименных слов.

Ряд существительных обозначает ту или иную часть неодушевленных предметов и отношения части к целому выражается с помощью аффиксов принадлежности 3-го

лица. Если взять существительное *кабык* «кора, скорлупа» или жалбырак «лист» (листья, листва «*жалбырактар*»), то обозначаемые ими реалии не могут принадлежать людям по праву собственности. Поэтому они не изменяются по формам категории принадлежности. Поскольку они обозначают часть дерева, то принимают аффиксы 3-го лица: *теректин кабыг-ы* «кора тополя» (букв: «тополя кора-его»), *жангактын жалбырактар-ы* «листья орешины» (букв.:его»), «орешины листь-ја-ее»). Подобные словоформы имеют дефектную лично-посессивную парадигму, заполняя только две «клетки» в её шестичленной системе (3 л. ед. и 3л. мн.).

В языке есть существительные, которые свободно изменяются по лично-посессивной парадигме: "термины родства, названия частей тела, одежды, предметов домашнего обихода, домашних животных. Например, общетюркское слово *ат* имеет такую лично-притяжательную полную парадигму:

ат-ым «мой конь»

ат-ын «твой конь»

ат-ы «его, ее конь»

ат-ыбыз «наш конь»

ат-ыгыз «ваш конь»

ат-лары «их конь».

Мы здесь взяли лично-притяжательные формы башкирского слова *ат*. Система аффиксов башкирского слова в целом сходна с киргизской парадигмой [1]. И в то же время лично-посессивная парадигма в двух языках различаются по характеру алломорфов и по составу членов. Отметим эти различия.

1. Киргизская парадигма восьмичленна, так как второе лицо имеет вежливые и невежливые формы:

1) *ат-ым* «мой конь»

2а) *ат-ын* «твой конь»

2б) *ат-ыңыз* «ваш конь»

3) *ат-ы* «его, ее конь»

1) *ат-ыбыз* «наш конь»

2а) *ат-ынар* «ваш конь»

2б) *ат-ыңыздар* «ваш конь»

3) *ат-ы* «их конь».

2. В киргизской парадигме признак 3-го лица нейтрализуется, имея тождественную словоформу *аты*, которая передает значение «его, ее, их конь». В башкирской парадигме словоформа *атлары* нейтрализует множественность и предмета обладания, и лица обладателя: *атлары* «их лошадь, их лошади» [1].

Как видим, даже среди близкородственных языков в строении и функционировании одной категории могут оказаться весьма существенные различия. В данном случае речь идет об асимметрии языкового знака, о том, что одно и то же содержание может передаваться в двух языках разными формами, что одна форма заключать в себе разные значения. Не случайно, что З. Г. Ураксин приводит башкирские лично-притяжательные словоформы в переводе, не совсем однозначно осмысливаемом киргизским языковым мышлением: а) өй-ө «его или их дом», б) өйзаре «их дом, их дома» [1]. Первый пример (а) понятен и легко воспринимаем киргизом, поскольку это значение аналогично выражается по-киргизски. Второй пример (б) чужд для киргизского языкового сознания и с трудом воспринимается им.

На основе вышеизложенного мы приходим к следующим выводам.

1. Лично-посессивное словоизменение имеет категориальный статус. Оно свойственно преобладающему большинству именных частей речи и характеризует их с позиции производителя речи в аспекте “мое – не мое”.

2. Категориальным значением личной посессивности является дихотомия «предмет обладания + лицо обладателя», выражаемая в пределах словоформы. Основа (или корневая морфема) обозначает предмет обладания, лично-посессивный аффикс - лицо обладателя.

3. Все иные словоформы и их сочетания выносятся за пределы лично-посессивного спряжения и относятся к другим морфологическим категориям или синтаксическим единицам языка.

Литература:

1. **Дербишева, З.К.** Функциональная грамматика русского и кыргызского языков. [Текст] / З.К. Дербишева // – Б., 2003.
2. **Дмитриев, Н.К.** Истории аффиксов сказуемости. Категория числа. Категория принадлежности [Текст] / Н.К. Дмитриев // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Том II. Морфология. – М., 1956.
3. **Дыйканов, К.** Имя существительное в киргизском языке. [Текст] / К. Дыйканов // – Ф., 1955.
4. **Зулпукаров, К.З.** Падежная грамматика теория и прагматика [Текст] / К.З. Зулпукаров // - СПб; Ош, 1994.
5. **Зулпукаров, К.З.** На пути к созданию активной билингвальной грамматики // Русский язык и литература в школах Кыргызстана-2003.-№4 (рец.на кн.:Дербишева З.К.) Функциональная грамматика русского и кыргызского языков. [Текст] / К.З. Зулпукаров // - Б., 2003.
6. **Щербак, А.М.** Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). [Текст] / А.М. Щербак // – Л., 1977.
7. Грамматика современного башкирского литературного языка. [Текст] // - М.1981.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] // – М., 1990.
9. Языки народов мира: Тюркские языки. [Текст] // – М., 1996.
10. Языки народов СССР. Тома I-V. – [Текст] // М., 1996-1968.